

МОРДОВСКИЕ ФИТОНИМЫ В СИСТЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

А. М. Гребнева

*ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия*

Статья посвящается анализу эрзянских и мокшанских фитонимов в системе семантического поля. Автор рассматривает фитонимы с точки зрения семантического поля, относящиеся к наиболее быстро выходящей из употребления части словаря. Эрзянские и мокшанские фитонимы до сих пор остаются недостаточно изученными, а в плане диалектных вариантов (особенно за пределами Республики Мордовия) вообще отсутствует диалектная лексика рассматриваемой тематической группы. Диалектная лексика мордовских языков (эрзянского и мокшанского) составляет важную и познавательную роль в плане исследования их истории, материальной и духовной культуры народа. Вопросы, связанные в плане рассмотрения мордовской диалектной лексики, трудны по нескольким причинам. Во-первых, сбор материала происходит на протяжении многих лет и осуществляется не только на территории Мордовии, но и в местах компактного проживания народов эрзи и мокши. Во-вторых, имеется множество вариантов одного и того же денотата и вместе с тем смешение их названия. Данные сведения интересны как с точки зрения этимологии, словообразования, семантики, так и в сравнительно-историческом плане. Настоящее исследование при рассмотрении диалектных вариантов обогатит область финно-угроведения как в этимологическом, так и в сравнительно-историческом и типологическом плане.

Ключевые слова: финно-угорские языки; мордовские языки; диалектная лексика; номинация; семантическое поле; лексико-тематическая группа

MORDOVIAN PHYTONYMS IN SYSTEM OF SEMANTIC FIELD

A. M. Grebneva

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Dialectal lexis of the Mordovian languages, Erzya and Moksha, plays an important and cognitive role in researching peoples' history, as well as their ethnic, materialistic and spiritual culture. Issues tackling dialectal problems create some difficulty due to several reasons. Firstly, dialectal data is collected for many years not only on the territory of Mordovia itself but also in habitats of the Erzya and Moksha's ethnic groups throughout the territory of Russia. Secondly, frequently there are multiple variants of a same denotatum, together with the blending of their nominations. However, the data found represent some interest for different researches in etymology, derivational morphology, semantics and other linguistic branches. In our research we have applied the semantic approach to the phytonyms that have been disappearing from active use and dictionaries. Erzya and Moksha phytonyms have not been studied enough until now, and as regards the dialectal variants of the studied thematic group, they have not been registered in dictionaries and have never been a subject of any research, especially outside Mordovia, except for the author of the present report and the dictionaries and study aids by O. E. Polyakova and R. N. Buzakova. It is a well-known fact that borrowings occur when ethnic groups speaking different languages reside in the same area. So, dialectal words, including phytonyms, are a strong evidence of early contacts between the Erzya and Moksha people. Folk nominations of phytonyms often reflect particular conceptions of the world that is why they are of much interest and value for researchers. On the whole, the parallel research into the dialectal variants and those into literary languages will definitely enrich Finno-Ugric etymological studies, as well as comparative historical and typological ones. The problem in question is also of value for practical use, i.e. that of "language building" which will throw some light on disputable issues of theoretical etymological aspects that are not properly investigated. At the present time the research centers of the Republic of Mordovia are being actively engaged in laborious lexicographic work. Unfortunately, dialectal dictionaries are still not on the agenda.

Keywords: finno-ugric languages; mordovian languages; dialectic vocabulary; nomination; semantic field; lexico-thematic group

В каждом языке терминосистема (ботаническая, зоологическая, ткацкая, земледельческая и др.) располагает определенным набором признаков номинации, который в известной мере детерми-

нируется свойствами именуемых реалий. Каждая лексико-тематическая группа обладает специфическими признаками номинации. Например, использование звукоподражания как признака номина-

ции в названиях животных (особенно птиц) не вызывает сомнений, однако исключается в названиях ботанической терминосистемы. В то же время важно подчеркнуть, что некоторые признаки (цвет, форма предмета) обслуживают многие системы терминов. Необходимо отметить, что в мордовской флористической лексике названия травянистых растений подразделяются на две основные группы:

1) устойчивые на значительной территории распространения эрзянских и мокшанских говоров с имеющимся небольшим количеством синонимов;

2) ограниченные узкими рамками на той и/или иной территории, которая в сознании носителей языка имеет определенные ассоциации с другими реалиями окружающего мира, а также ассоциации, соответствующие родовому признаку (родовое название), что часто является наименованием самого растения, а не каких-то его характерных свойств [2, с. 171]. Например, э. д. *s'ukorkaj t'ikše* (во многих говорах) «просвирник» (букв. «лепешка-трава»), м. д. *kilangən' t'iše* (прп.) «подорожник» (букв.: «дорога-по-трава») и др.

В диалектной лексике подвижность значения наименования в рамках диалектов определяется в первую очередь многообразием признаков, присущих каждому явлению или предмету окружающего мира. При этом общие семантические соотношения не всегда просты и прямолинейны. Ряды наименований одного и того же растения образуют междиалектные семантические поля.

Цель данной статьи – проанализировать лексические единицы, входящие в семантическое поле и относящиеся к флористической лексике, а также выявить ряды наименований, способствующие дальнейшему уточнению понятия лексико-семантической системы мордовских языков в целом. В ее основу положены материалы лексикографических источников и полевые записи автора, осуществлявшиеся с учетом выявления конкретных семантических полей, из-

влеченные в основном из мокшанских и эрзянских говоров. Фактический материал был собран как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами в местах компактного проживания народов эрзи и мокши.

Особенностью мордовской флористической системы является то, что многие растения в пределах распространения эрзянского и мокшанского языков имеют целые ряды наименований, как и во многих других языках [1; 3; 5; 6; 8; 9; 11; 12]. Однако имеются и такие случаи, когда одним и тем же словом обозначаются растения, а иногда целые группы растений. Например, в одних диалектах э. л. *умарь* обозначает «яблоко», а в других – «землянику», «клубнику»; м. л. *каньф*, э. л. *кансть* «конопля» – *мушка/мушко* «кудель».

В своем большинстве они возникли на базе лексики эрзя- и мокша-мордовских языков. Структурная ясность и прозрачность внутренней формы многих из них дает возможность определить те признаки, которые легли в основу их наименования. Мотивированность (исключение составляют названия деревьев и заимствования), обуславливающая в той или иной мере позитивность эрзянской и мокшанской ботанической терминосистемы в целом, – одна из наиболее характерных их особенностей. Данный семантический фактор имеет важное значение для носителей эрзя- и мокша-мордовского языков, которые являются не только пользователями наименований, но и свидетелями или даже участниками их создания.

Эрзянские и мокшанские названия одних и тех же растений в говорах образуют семантическое поле (микрополе). Рассмотрим систему этих полей в мордовских языках. Остановимся на названиях таких растений, которые хорошо известны, обладают ярким отличительным признаком, тесно связаны с бытом, культурой эрзи и мокши.

Карво тикше/кару тише «валериана» имеет диалектные параллели: э. *čaj t'ikše* (дрк.), *s'eroboj* (урс.), *s'iraboj* (кль.); м. д. *polkovon' d'iše* (н. всл.), *ver'*

d'íše (зп.). Многообразие наименований объясняется тем, что в их основу положены различные семантические признаки. Использование соцветий валерианы в качестве заварки чая привело к формированию устойчивой повторяющейся модели: *čaj t'ikše* букв. «чай-трава». В названии *ver' d'íše* букв. «кровь-трава» воспроизводится семантическая модель «использование в народной медицине» → «наименование». Отвар и настойку этого растения применяют наружно при ожогах, ранениях, кожных заболеваниях. По этой же модели создано его обозначение в некоторых удмуртских говорах: *виртурым* < *вир* «кровь» + *турым* «трава» [6, с. 156]. Однако в некоторых эрзянских и мокшанских говорах вместо собственно мордовского наименования употребляется русское слово *звербой*.

Следует подчеркнуть, что основным термином в мордовском языковом ареале служит *карво тикше/кару тише*. Оба компонента имеют лексические соответствия и в других финно-угорских языках. В финно-угристике прочно укрепилось мнение о происхождении слова э. *тикше*, м. *тише* «трава», ф. *tähkä* «колос», мр. *тышкя, тўшка, туска* «куст», «волошинки на бородавке», к. *тош* «борода», уд. *туш, тўшт, тōш* «борода», который относится к финно-угорскому фонду лексики [2, с. 171]. По мнению некоторых исследователей пермских языков, данные соответствия являются заимствованиями из тюркских языков [1, с. 42–44].

Вараканьбал/варсиньбря «клевер» в диалектах передается следующими вариантами: э. *čavkan'bal* (пвд.), *čavkan' t'ikše* (клев.), *čavkan'br'a* (мл.), *roc'imka* (лбе.), *roc'emkaj* (дрк.), *jaks't'er'e roc'emka t'ikše* (блд., прд., ппл., слщ. ич.), *kl'ever* (врм., ич.), *ker'az' d'ikše* (ард. дбн.); м. *čavkan'br'e* (м. плн.), *varsin'br'e* (прз.), *varsi pr'ä* (крн.), *kl'iver* (н. вел.), *grac'pə'a* (шгв.), *karu br'e* (сзг.), *vars'ijen'bal* (смз.), *kukuvam bal* (грд. д.).

Такая богатая вариантность еще раз подтверждает свободу словообразовательного моделирования в говорах. В данном ряду имеются слова, семантическая основа которых прозрачна.

Например, в э. *roc'emkaj, roc'imka* воспроизводится модель «свойство, воспринимаемое на вкус» → «наименование». Если формальная сторона этимологии имеет наглядные обоснования (э. *поце* «сосать», «высасывать»), то и с точки зрения развития значения она вполне объяснима: в данном случае отражается признак «сладкий», «нечто сладкое».

В некоторых говорах *roc'emkaj* осложняется дополнительным определяющим элементом, образующим новую семантическую модель «окраска соцветия» → «наименование»: *jaks't'er'pr'a roc'imka t'ikše* «красная голова-сосания трава». Для группы наименований, в которую входят слова э. *чавка* «галка», *варака/варси* «ворона», м. *граць* «грач», типична модель «название птицы» → «наименование»: *čavkan' t'ikše* букв. «галки трава».

Эта смысловая схема представлена многочисленными примерами, причем преобладают формы со словом *пря* «голова», «головка»: э. *čavkan'br'a*, м. *čavkan'br'e* букв. «галки голова». В них передается сходство соцветия в виде шаровидной головки с головой птицы. Схема характерна и для коми языка: *сизвур турун* «клевер», букв. «трава-голова дятла» [8, с. 146]. В наименовании *вараканьбал/варсиеньбал* букв. «вороны кусок (пища)» прослеживается указание на съедобность растения. Составные элементы слова взяты из финно-угорского фонда слов. Корневая морфема *вар-* находит свои соответствия: ф. *varis*, эст. *vares*, мр. *вараиш*, в. *varju* «ворона». Мордовский элемент *пал* в значении «кусочек» также имеет параллели: ф., эст. *pala*, мр. *пулдом*, уд. *палэс*, к. *палок*, в. *falat* «кусочек», «половина» [7].

Дурак тикше/дурак тише «белена», «дурман» также имеет диалектные синонимические варианты: э. *durak tako* (шгр.), *durak baban' t'ikše* (слщ. ич.), *ovton' bešt'e* (ич.), *d'ikoj tako* (алв.), *sarazon' guloftoma* (ккс); м. *dušman d'íše* (дрк. тр., пнк. пнз.), *päl'as pin'en' d'íše* (н. тлк.), *tapaf t'íše* (н. лпв.). Определительные компоненты *дурак, дикой, душман*, указывают на дикое, ненастоящее,

несъедобное растение, при употреблении вызывающее одурманивание.

Выделим следующие семантические модели:

1) «непригодность для пищи» → «наименование»: *durak tako* букв. «дурак-мак», *dušman d'iše* букв. «враг-трава». Данная модель наиболее продуктивна;

2) «ядовитость (одурманивание)» → «наименование» э. *sarazon' guloftoma* букв. «курицы умерщвление», *tapaft'iše* «спутывающая трава»;

3) «боязнь употребления» → «наименование»: *pāl'as pin'en'd'iše* букв. «трава, вызывающая испуг собаки».

Некоторые модели возникли в результате переноса наименования: *ovton' bešt'e* букв. «медвежий орех», *baban' t'ikše* букв. «старухи трава», дающего представление о несъедобности растения.

В основном все наименования образованы из двух (реже трех) слов. Эти лексемы возникли в общемордовский период. Для их создания использовались собственно мордовские, русские (мак, дикий, дурак), тюркские (душман) слова.

Наименование **козгалав/козгалак** «конский щавель» широко варьируется в ряде эрзянских и мокшанских говоров: э. *koz'gal'* (кр. зрк.), *koz'l'ec'* (мл.), *koz'lakaj* (коз. бел.), *koz'golavka* (сбв.); м. *toz'galat* (в. снч.), *ozgalak* (крн.). Все это тюркские заимствования. В татарском языке есть несколько вариантов сложного слова со значением «щавель» *кузгалак* [10]. В. И. Алатырев отмечает наличие подобного заимствования и в удмуртском языке: *кузькылак* (в диалектах *кучкылак*, *кычкылак* «щавель») [1, с. 45]. В мордовских говорах это растение носит также названия э. *эльде начко* (повсеместно), *kaške lopa* (прд.), *kikir'uš* (слщ. ич.), *šker'ge* (дрк., сбн., трс., ард., дбн.), *at'akšon'moramo* (блд., ппл.) и др.; м. *kudr'av bočka* (млч.), *kir'hk sumbrav* (рбк.), *kar'ks t'iše* (коз. бел.), *el'd'en'bočka* (смз.) и др.

В большинстве говоров общему названию щавеля противопоставлено наименование одного из видов этого

растения – «конский щавель». Во многих случаях первым компонентом является слово *эльде* «кобыла», вторым – *начко* «сырость», «мокрота», *почка* «стебель». Семантическая структура данной модели такова: конский щавель встречается на заливных лугах, пастбищах, заброшенных стойбищах. В говорах, где отсутствует образование *эльде*, используются другие составные слова нередко метафорического характера. В наименовании м. д. *kudr'av bočka* букв. «курчавый стебель» выражен один из видов щавеля. *Kar'ks t'iše* букв. «бечевка-трава» – метафора, отражающая особенность прямого ветвистого стебля, напоминающего по внешнему виду бечевку.

Ведьбарсей/ведьбарьхи «водоросль» в эрзянских и мокшанских говорах имеет следующие формы: э. *ved'nulke* (дрк., алв.), *vatrakšun'pac'a* (блд.), *l'agaj lopa* (ппл.), *l'aguška nar'ad* (ич.), *nulko* (слщ. ич.), *piže čekar'* (прд., шгр.), *vatrakš lopa* (прп.), *ved'an'd'išə* (п. слщ.), *nurən'* (ст. дрк.), *ved'lopš* (коз. бел.).

Выделим следующие семантические модели:

1) «название животного» → «наименование»: э. *vatrakšon''bac'a* букв. «лягушачий платок», *l'agaj lopa* букв. «лягушачий лист», *l'aguška nar'ad* букв. «лягушачий наряд». Все эти фитонимы соотносятся со скоплениями водорослей на воде, состоящими из слизи и выростов. Под ними часто обитают лягушки, для которых водоросли служат как бы покрытием, платком, нарядом и т. д. Эта модель является весьма сложной и метафоричной;

2) «сравнение с другим предметом» → «наименование»: э. *ved'bar'c'ej*, м. *ved'bar'hc'i* букв. «вода-шелк». В этом случае первостепенную роль сыграли особенности растения: в основу слов положено сравнение с мягкой поверхностью водорослей, которая в народном сознании связывается с понятием «шелк»;

3) «свойство растения» (слизь – нечто скользкое) → «наименование»: *ved'nulke* букв. «водяная слизь». Это одно из названий, отражающих наличие в скоплениях водорослей слизи;

4) «место произрастания» → «наименование»: м. *ved'an'd'iše* букв. «водяная трава».

Название **ведьбарсей/ведьбарьци** возникло в глубокой древности и нельзя сказать определенно, появилось оно на почве общемордовского языка или унаследовано от более раннего языкового состояния (так как подобное образование и с тем же значением известно в марийском и удмуртском языках).

Слово складывается из двух разноязычных элементов. Первый – финно-угорского происхождения: э. *vedь*, м. *vedь*, ф., эст. *vesi*, мр. *vūd*, мн. *bit*; второй – тюркское заимствование: тат. *пурсан*, чув. *пурсьян*. По аналогичной модели и из этих же компонентов образовано соответствующее

слово в марийском языке – *vūd пурсын* «водоросль», «тина» [4] и удмуртском – *вубуртчин* «шёлк». В коми языке вторым компонентом выступает слово *быдмög* «растение»: *вабыдмög* [8].

В данной статье рассмотрена лишь небольшая часть названий растений в эрзянских и мокшанских говорах. Однако и она свидетельствует, что моделирование внутри семантического поля характеризуется достаточно разнообразно. Наличие множества обозначений одного и того же растения объясняется разнообразием признаков представительниц флоры, которые носителями говоров воспринимаются как самые важные или яркие и ассоциируются именно с этим растением.

Условные сокращения говоров, языков

алв. – говор населенного пункта Алово Атяшевского района Республики Мордовия (РМ); **ард. дбн.** – н. п. Ардатово Дубенского р-на РМ; **блд.** – н. п. Болдасево Ичалковского р-на РМ; **в.** – венгерский язык; **в. слщ.** – н. п. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского р-на РМ; **грд. д.** – городищенский диалект Пензенской обл.; **дрк.** – н. п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; **зп.** – н. п. Зубова Поляна Zubovo-Полянского р-на РМ; **ич.** – н. п. Ичалки Ичалковского р-на РМ; **к.** – коми язык; **кбв.** – н. п. Кабаево Дубенского р-на РМ; **кльв.** – н. п. Клявлино Клявлинского р-на Самарской обл.; **кис.** – н. п. Кулясово Атяшевского р-на РМ; **коз. бел.** – н. п. Козловка Белинского р-на Рязанской обл.; **кр. зрк.** – н. п. Красная Зорька Кочкуроского р-на РМ; **КС** – Словарные материалы картотеки филологического факультета Мордовского государственного университета; **лбс.** – н. п. Лобаски Атяшевского р-на РМ; **м. д.** – мокшанский диалектный; **мл.** – н. п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; **м. л.** – мокшанский литературный язык; **млс.** – н. п. Мельсетьево Теньгушевского р-на РМ; **ммл.** – н. п. Мамолаево Ковылкинского р-на РМ; **м. плн.** – н. п. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского р-на РМ; **мр.** – марийский язык; **н. всл.** – н. п. Новые Выселки Zubovo-Полянского р-на РМ; **н. лпв.** – н. п. Новое Лепьево Ковылкинского р-на РМ; **н. тлк.** – н. п. Новая Толковка Ковылкинского р-на РМ; **пвд.** – н. п. Поводимово Дубенского р-на РМ; **пнк. пнз.** – н. п. Понекедовка Шемышейского р-на Пензенской обл.; **ппл.** – н. п. Папулево Ичалковского р-на РМ; **прд.** – н. п. Парадеево Ичалковского р-на РМ; **прп.** – н. п. Парапино Ковылкинского р-на РМ; **рбк.** – н. п. Рыбкино Ковылкинского р-на РМ; **сбн.** – н. п. Сабанчеево Атяшевского р-на РМ; **с. всл.** – н. п. Саввинские Выселки Торбеевского р-на РМ; **слщ.** – н. п. Селищи Атяшевского р-на РМ; **лсщ. ич.** – н. п. Селищи Ичалковского р-на РМ; **смз.** – н. п. Самозлейка Ковылкинского р-на РМ; **уд.** – удмуртский язык; **урс.** – н. п. Урусово Ардатовского р-на РМ; **чкл.** – н. п. Чукалы Ардатовского р-на РМ; **ф.** – финский язык; **э. д.** – эрзянский диалектный; **э. л.** – эрзянский литературный язык; **эст.** – эстонский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алатырев, В. И. Производные имена с суффиксом -ым/-ем / В. И. Алатырев // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск : Удмурт. книж. изд-во, 1973. – Вып 2. – С. 28–44.
2. Гребнева, А. М. Семантика и диалектная синонимика наименований травянистой флоры мордовских языков / А. М. Гребнева // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 170–175.

3. *Ефремов, А. С.* Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Ефремов. – Тарту, 1987. – 17 с.
4. *Куклин, А. Н.* К этимологии некоторых диалектных слов / А. Н. Куклин // Вопросы марийского языка (вопросы грамматики и лексикологии). – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1980. – С. 177–182.
5. *Меркулова, В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – Москва : Наука, 1967. – 257 с.
6. *Насибуллин, Р. Ш.* Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов (материалы) / Р. Ш. Насибуллин // Вопросы удмуртского языкознания. – 1973. – Вып. 2. – С. 152–162.
7. *Основы финно-угорского языкознания : Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков.* – Москва : Наука, 1974. – 412 с.
8. *Ракин, А. Н.* Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) / А. Н. Ракин // Вопросы лексикологии коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар : Сыкт. кн. изд-во, 1979. – С. 129–164.
9. *Саберова, Г. Г.* Названия растений в татарском литературном языке / Г. Г. Саберова. – Казань : ИЯЛЯ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – 1996. – 129 с.
10. *Саберова, Г. Г.* Татарско-русско-латинский словарь названий растений / Г. Г. Саберова. – Казань : Фикер, 2002. – 94 с.
11. *Сюръялайнен, Ю. Э.* Названия растений в финских говорах Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Э. Сюръялайнен. – Тарту, 1982. – 18 с.
12. *Цыганкин, Д. В.* Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 228 с.

Поступила 05.08.15.

Об авторе:

Гребнева Александра Михайловна, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук, lenagrebneva@rambler.ru

Для цитирования: Гребнева, А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля / А. М. Гребнева // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 4. – С. 100–106. DOI: 10.15507/1991-9468.081.019.201504.100

REFERENCES

1. Alatyrev V. I. Proizvodnyye imena s suffiksom -ym/-em [Derivative names with suffix of -ым/-ем]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaninya* = Problems of Udmurt Linguistics. Izhevsk, Udm. Publ., 1973, no. 2, pp. 28–44.
2. Grebneva A. M. Semantika i dialektnaya sinonimika naimenovaniy travyanistoy flory mordovskikh yazykov [Semantics and synonymy of dialect names of herbaceous flora of Mordvinian languages]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2009, no. 3, pp. 170–175.
3. Efremov A. S. Nazvaniya rasteniy mariyskogo yazyka (travyanisto-yagodnaya flora) [Mari language Names of plants (grass and berry flora): auto-abstract of Cand. Phil. Sci. Diss.]. Tartu, 1987, 17 p.
4. Kuklin A. N. K etimologii nekotorykh dialektnykh slov [For etymology of some dialect words]. *Voprosy mariyskogo yazyka (voprosy grammatiki i leksikologii)* = Problems Mari language (grammar and lexicology issues). Yoshkar-Ola, Mari. Publ., 1980, pp. 177–182.
5. Merkulov V. A. Ocherki po russkoy narodnoy nomenklatyre rasteniy [Essays on Russian folk nomenclature of plants]. Moscow, Science Publ., 1967, 257 p.
6. Nasibullin R. Sh. Nekotoryye nazvaniya flory v yazyke zakamskikh udmurtov (materialy) [Some names of flora in Udmurt language Kama (materials)]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznaninya* = Problems of Udmurt linguistics. 1973, vol. 2, pp. 152–162.
7. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaninya: Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov [Outlines of the Finno-Ugric linguistics: Problems of origin and development of Finno-Ugric languages]. Moscow, Science Publ., 1974, 412 p.
8. Rakin A. N. Floristicheskaya terminologiya komi yazyka (etimologicheskii analiz) [Floral terminology Komi language (etymological analysis)]. *Voprosy leksikologii komi yazyka. Trudy Instituta yazyka, literatury*

i istorii Komi filiala AN SSSR = Problems of Komi language lexicology. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History, Komi Branch of the USSR. Syktyvkar, Sykt. Publ., 1979, pp. 129–164.

9. Saberova G. G. Nazvaniya rasteniy v tatarskom literaturnom yazyke [Names of plants in Tatar literary language]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language Publ., 1996, 129 p.

10. Saberova G. G. Tatarsko-russko-latinskiy slovar nazvaniy rasteniy [Tatar–Russian–Latin Dictionary of Plant Names]. Kazan, Ficker Publ., 2002, 94 p.

11. Syuryalaynen Yu. E. Nazvaniya rasteniy v finskikh govorakh Leningradskoy oblasti [The names of the plants in Finnish dialects of Leningrad region: abstract of Cand. Phil. Sci. Diss.]. Tartu, 1982, 18 p.

12. Tsygankin D. V. Etimologiyany valks [Etimologiyany valks]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2015, 228 p.

Submitted 05.08.15.

About the author:

Grebneva Aleksandra Mikhaylovna, associate professor, Chair of Mordovian languages, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Str., Saransk, Russia), Ph.D. (Philology), lenagrebneva@rambler.ru

For citation: Grebneva A. M. Mordovian phytonyms in system of semantic field. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2015, vol. 19, no. 4, pp. 100–106. DOI: 10.15507/1991-9468.081.019.201504.100